

INSPIRIA

Christine Thann



Apr 2016



INSPIRIA

Inspiria Air

Сильвия Плат

**Ариэль**

«ЭКСМО»

1965

УДК 821.111-1(73)  
ББК 84(7Coe)-5

**Плат С.**

Ариэль / С. Плат — «Эксмо», 1965 — (Inspiria Air)

ISBN 978-5-04-178576-5

Сильвия Плат – культовая американская поэтесса и обладательница Пулитцеровской премии. Символ исповедальной поэзии. Мученица, феминистка, бунтарка – называть ее можно по-разному. Но есть один неоспоримый факт: представить себе поэзию XX века без нее просто невозможно. Сборник стихотворений «Ариэль» по праву считается одной из лучших работ Сильвии Плат. Он был опубликован в 1965 году, через два года после смерти автора. В России «Ариэль» издается впервые.

УДК 821.111-1(73)

ББК 84(7Coe)-5

ISBN 978-5-04-178576-5

© Плат С., 1965

© Эксмо, 1965

## Содержание

Утренняя песнь	6
Вестники	7
Овца в тумане	8
Соискатель	9
Госпожа Лазарь	11
Тюльпаны	14
Порез	17
Вяз	19
Ночные танцы	21
Октябрьские маки	22
Берк-Пляж	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Сильвия Плат

## Ариэль

Sylvia Plath

ARIEL

© The Estate of Sylvia Plath, 1965

© Сидемон-Эристава Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

## Утренняя песнь

Как толстенные золотые часы,  
заводишься ты любовью.  
Шлепнула акушерка тебя по пяткам —  
и дерзкий твой вопль  
Занял место средь прочих стихий.

Эхо наших голосов – дань славному твоему  
прибытию. Новая статуя  
Встала в музее убогом. Твоя нагота оттенила  
Безопасность нас всех – и мы встали вокруг,  
равнодушные, словно стены.

Я – не более мать тебе,  
Чем облачко, что мимо зеркала проплывает,  
в нем отражая свою  
Неторопливую смерть от руки ветра.

Всю ночь мотыльковые вздохи твои  
Мерцают меж плоских розовых роз.  
Я слушаю, просыпаясь:  
В ушах шевелится далекое море.

Крик – я срываюсь с кровати, этакая корова,  
в смешной, цветастой,  
Викторианской ночной рубашке.  
Разинутый ротик твой – чистый, как у котенка.  
Квадрат окна

Белит, глотая, скучные звезды.  
Вот и попробуй теперь  
Вести заметки:  
Звонкие гласные вверх воспаряют,  
точно воздушные шарики.

## Вестники

Слово улитки на страничке листа?  
Не от меня. Не принимай.

Уксусная кислота в запечатанной жестянке?  
Не принимай. Не настоящая.

Золотое кольцо, в котором прячется солнце?  
Вранье. Ложь и горе.

Лист замерзший, котел изобилья,  
Поющий себе трескучую песню

На каждом черном пике  
Девяти Альп,

В зеркальном стекле смута,  
Море, дробящее серую суть свою, —

Любовь. Любовь – мое время года.

## Овца в тумане

Холмы отступили в туман.  
Люди иль звезды  
Глядят на меня печально:  
вот разочарованье!

Поезддохнул облачком пара.  
Медленно тащится лошадь,  
Цветом – как ржавчина,

Копыта, печальный звон колоколыцев —  
Прямо с зари  
Делалось утро темнее.

Так и не съеден цветок.  
Стынут кости мои, а сердце  
Тянет к далеким лугам.

Люди грозятся отправить меня на небо,  
Беззвездное и сиротское,  
Будто вода без дна.





Взор ваш украсит видом своим приятным.  
Мой мальчик, это для вас – идеальное средство.  
Возьмете, возьмете, возьмете ее в жены?

## Госпожа Лазарь

Я сделала это вновь,  
Как делаю раз  
В каждые десять лет —

Ходячее чудо, как есть! Кожа моя  
Ярче нацистского абажура,  
Правая ножка моя —

Изящное пресс-папье,  
Мое лишенное черт лицо —  
Гладкий еврейский лен.

Лица платком не прикрывай,  
О, враг мой.  
Разве я так пугаю? —

Нос, и глазницы, и полный комплект зубов?  
А гнилого дыхания запах  
Через день уж исчезнет.

Ждать уж недолго: плоть,  
Съеденная могилой,  
Вернется на место, ко мне.

И стану я снова женщиной с милой улыбкой,  
Лет тридцати, не больше, а жизнью —  
Девять, точно у кошки.

Эта – третья по счету.  
Уничтожение раз в десять лет —  
Право, такая морока.

Миллионы лампочек горят: полный аншлаг.  
Толпа любопытных грызет орешки,  
Люди толкаются, жаждут увидеть,

Как вынимают меня из пелен —

руки и ноги —

Что за шикарный стриптиз!  
Дамы и господа,

Вот вам мои ладони,  
Вот и мои колени.  
Конечно, кожа и кости,

Но все равно: жива я, и я все та же.  
Впервые это случилось, когда мне было  
лишь десять:  
Несчастный случай.

А во второй раз, признаться, я очень хотела  
Все оставить как есть и вовсе  
не возвращаться.  
Замкнулась в себе,

Захлопнулась, словно ракушка, —  
Пришлось им кричать и звать,  
И червей от меня отдирать,  
как прилипшие жемчуга нити.

Умирать —  
Искусство не хуже прочих. В нем  
Я достигла изрядного совершенства.

Я умираю весьма убедительно.  
Я умираю очень по-настоящему.  
Полагаю, можно сказать: истинно —  
дар Божий!

Не очень трудно погибнуть в камере,  
Не очень трудно и быть погребенной  
в могиле.

Но театральный процесс

Возвращения к дневному свету,  
В то же место и к тем же лицам,  
к тем же хамским  
Веселым крикам:

«Чудо, какое чудо!» —  
Вот это, признаться, бесит.  
За все — отдельная плата:

За то, чтоб взглянуть на мои шрамы,  
За то, чтоб сердце мое послушать, —  
Да бьется, конечно, бьется.

И отдельная плата — большие,  
серьезные деньги —  
За слово из уст моих, за касанье,  
За капельку крови,

За прядку волос, за малый клочок одежды.  
Вот так-то, герр Доктор.

Так-то, герр Враг.

Я – ваш шедевр,  
Сокровище, драгоценность,  
Дитя золотое,

Что взрывается криком.  
Я в танце сгораю.  
Не думайте: я достойно ценю величие  
вашей заботы.

Прах и пепел:  
Мешай его, тычь кочергой —  
Нет ни костей, ни плоти,

Только брусочек мыла,  
Кольцо обручальное  
Да золотая зубная коронка.

Герр Бог и герр Люцифер,  
Осторожнее.  
Берегитесь.

Восстаю я из пепла, встряхнув  
Рыжими волосами, —  
И мужчин глотаю как воздух.

## Тюльпаны

Чересчур восхищают тюльпаны – теперь ведь зима.  
Посмотри, до чего все бело, как тихо и снегом покрыто.  
Я учусь душевному миру, лгу тихонько себе самой,  
И падает свет на белые эти стены, эту постель,  
эти руки.  
Я – никто. У меня и взрывов безумия —  
ничего общего.  
Имя мое и уличную одежду я отдала медсестрам,  
Анестезиологу – историю, ну, а тело свое – хирургам.  
Под затылком – подушка, край простыни —  
у подбородка:  
Голова – точно глаз меж белыми веками,  
не желающими сомкнуться.  
Глупая ученица – как много придется освоить!  
Медсестры выходят и входят, не раздражая, —  
Кружат, подобные чайкам, в шапочках своих белых,  
Делают что-то руками, одна – совсем как другая,  
Даже не скажешь, как их много на самом деле.  
Мое тело для них – точно галька, к нему они льнут,  
Как к гальке – вода морская, по ней пробегая,  
легонько ее касаясь.  
Их светлые шприцы приносят мне пустоту и сон.  
Я потеряла себя. Я от вещей устала —  
От чемоданчика лакированной кожи,  
что как таблетница черная.  
Муж и малыш улыбаются мне с семейного фото,  
И их улыбки впиваются в кожу,  
как веселые тонкие крюки.  
Я разрешила вещам ускользнуть, но тридцатилетний  
грузовой катер  
Пришвартован упрямо на канате имени, адреса моего.  
Меня отмыли. Очистили от любимых ассоциаций.  
Испуганная, нагая, на зеленой каталке,  
среди пластиковых подушек,  
Я следила, как исчезают из виду мой чайный сервиз,  
и груда белья, и книги —  
А потом надо мною сомкнулись воды.  
Теперь я – монашка. Я никогда не была чище.  
Я вообще не желала цветов. Я просто хотела  
Лежать и лежать, заложив за голову руки, и быть  
совершенно пустою.

Какая свобода – нет, никогда вы не знали свободы  
подобной:

Мир в душе настолько огромен,  
что даже ошеломляет,  
И он ничего не просит, лишь табличку с именем  
да пару прочих безделок.  
Вот чего достигают мертвые: я их себе представляю —  
Тишину хватающих ртами, точно облатку причастья.

Тюльпаны, если вообще заметить,  
были уж очень красны. Они обжигали.  
Даже через обертку я слышала, как они дышат  
тихонько

Сквозь белизну покровов, точь-в-точь —  
непослушные дети.  
Их алость с раной моей говорила, и рана ей отвечала.  
Они так легки – они будто плыли, меня же к земле  
прижимали,  
Тяготили своими яркими языками и цветом,  
Будто десяток маленьких, красных свинцовых  
грузил у меня на шее.

Никто никогда раньше не наблюдал за мною —  
ну, а теперь наблюдают.  
Повернулись ко мне тюльпаны,  
а в спину смотрит окно —  
В нем ширится свет с утра,  
а к вечеру медленно меркнет,  
И я вижу себя – плоскую и нелепую тень  
из кукольного театра  
Меж солнечным оком и взором тюльпанов.  
У меня нет лица. Я хотела себя обезличить.  
Яркие тюльпаны пожирают мой кислород.

Пока не явились они, был воздух вполне спокоен,  
Выходил и входил – вздох за вздохом – без суеты.  
Но тюльпаны его наполнили громким звуком.  
Воздух теперь их обегает и кружит, как речная вода —  
Вокруг затонувшей, заржавленной докрасна  
лодки моторной.

Они обращают мое внимание: как хорошо  
Просто играть, отдыхая, ни к чему не тянуться душою.

Похоже, от них греются даже стены.  
В клетку бы эти тюльпаны, будто зверей опасных;  
Они разевают пасти, как африканские хищные кошки,  
И я чувствую сердце свое: оно открывает и закрывает  
Свою чашу алых цветов из чистой ко мне любви.  
Вода, которую пью я, солона и тепла,

точно волна морская,  
И бежит она из земли далекой, точно здоровье мое.



## Порез

*Посвящается Сьюзан О'Нил Роу*

Вот номер так номер —  
Свой палец вместо луковицы!  
Почти отхватила кончик,  
Не считая тонкого

Лоскутка кожи,  
Макушки шляпы  
Мертвенно-белой,  
А ниже – кровавый плюш.

Маленький паломник,  
Индеец содрал с тебя скальп томагавком.  
Твой турецкий молитвенный коврик  
Теперь развернулся

Прямо от сердца.  
Я на него ступаю,  
Потрясая своей бутылкой  
Розового шампанского.

Мне есть что отметить.  
Из пореза-окопа  
Выбегают миллионы солдат,  
И на каждом – алый мундир.

На чьей они стороне?  
О, мой гомункул,  
Больна я.  
Проглотила таблетку – убить

Чувство,  
Тонкое, словно бумага.  
Диверсант.  
Камикадзе юный —

Пятно на твоём газовом,  
Ку-клукс-клановском,  
Старом платке,  
Растекаясь, темнеет. Когда

Шарообразная мякоть  
Твоего сердца  
Вступает в битву с маленькой

Мельницей тишины,

Как ты подпрыгнешь,

Раненый ветеран,

Грязная девчонка,

С пеньком вместо пальца большого.

## Вяз

*Посвящается Рут Фейнлайт*

Я знаю дно, так она говорит, я изучила его корнями:  
И этого ты боишься.  
Да не боюсь я – я там бывала.

Ты море ли слышишь во мне,  
Рокот его недовольный?  
Или глас пустоты – безумье свое?

Любовь – это тень.  
Как лежишь ты и плачешь после!  
Слушай подков ее стук – прочь унеслась,  
точно лошадь.

Я буду скакать на ней ночь напролет, галопом,  
Пока голова твоя камнем не станет  
и тонким дерном – подушка,  
Звучащая эхом.

Или мне подарить тебе звуки ядов?  
Дождь идет в тишине великой.  
Плод его – металлически-белый, словно мышьяк.

Я страдала от зверств закатов.  
Сожжена до корней —  
Мои алые нити горят и топорщатся, точно проволока.

Я рассыпаюсь в осколки, что парят,  
словно клубы дыма.

Ветер подобной силы  
Не переносит свидетелей: придется кричать.

Да и луна беспощадна: цеплялась,  
Волокла жестоко в бесплодье.  
Ее сиянье меня пугает. Или, может, ее я схватила?

Я ее отпускаю. Да, я отпускаю ее —  
плоской и умаленной,  
Как пациентку – после операции трудной.  
Будто твои ночные кошмары владеют мною,  
одаривая меня!

Во мне поселился крик.  
По ночам он рвется наружу,

Ищет, сверкая когтями, в кого бы влюбиться.

Меня пугает темная тварь,  
Что спит у меня внутри:  
День напролет ощущаю шевеленье крыл ее мягких  
и тихую злобу.

Мимо бегут облака, исчезают.  
Бледные, невозвратные – они не любви ли лики?  
И этим вот я занимаю свое сердце?

Большее знание мне недоступно.  
Что это, что за лицо —  
Лицо убийцы в путаной рамке ветвей?

Шипит кислотой змеиного яда,  
Парализует волю. Это – отдельные, тихие неудачи.  
Они убивают. Убивают. Убивают.

## Ночные танцы

В траву упала улыбка.  
Необратимо!

Как затеряются твои танцы ночные —  
В математике, может?

Так изящны прыжки и спирали —  
Они, конечно же, неустанно

Бродят по миру, и мне не придется сидеть здесь,  
Навеки лишенной дара лицезреть красоту, дара

Вздохов твоих легких, промокшей травы,  
Аромата твоих скольжений и лилий, лилий.

Их плоть кровных уз не знает.  
Холодные личности складки, каллы,

Себя украшающий барс —  
Пятна на шкуре и вихрь лепестков жарких.

Сколько пространств должны  
Пересечь кометы,

Сколько прощаний и слов равнодушно-холодных!  
Твои движенья спадают с тебя, осыпаясь, —

Человечные, теплые, – после их розовый свет  
Трескается, как корка, и кровью исходит

Сквозь забывчивость черных небес.  
За что мне даны

Эти светочи, эти планеты,  
Что падают, будто благословенья  
и снежные хлопья,

Белые шестиконечные звездочки —  
На веках моих, на губах, волосах.

Касаются. Тают.  
Нигде.

## Октябрьские маки

Совладать с такими юбками не под силу даже  
солнечным облакам —  
Что ж говорить о женщине в «Скорой помощи»,  
Чье алое сердце сияет через халат гордо  
и откровенно.

Дар, дар любви,  
Совершенно  
Не прощенный небом,

Поджегшим газ угарный, что бледно горит,  
И глазами,  
Застывшими под шляпами-котелками.

О Боже, да что я такое,  
Чтоб эти недавние рты все вскрикнули разом  
В лесу морозов, на васильковой заре!

## Берк-Пляж

### (I)

Вот, значит, море – великое отступление.  
Как помогает солнца бальзам моему жару?

Неоновые шербеты, вынутые из морозилки  
Бледными девушками, странствуют сквозь эфир  
в опаленных руках.

Почему тут так тихо? Что они все скрывают?  
У меня есть ноги, я двигаюсь и улыбаюсь...

Убивают звуки движенья песчаные дюны;  
Их – мили и мили. Приглушенные голоса —

Дребезжащие и потерянные, вполонину  
былой силы.  
Линии зренья, обожженные лысым пейзажем,

Стреляют назад, как резинка рогатки,  
и владельцу же делают больно.  
Что ж удивляться, что он – в темных очках?

Что ж удивляться, что он предпочитает  
черную рясу?  
Вот он идет, меж сплошных рыбаков,  
охотников на макрель,

И те к нему обращают спины, как стены,  
И сжимают в руках черно-зеленые ромбы,  
как новые части тела.

И море, покрывшее их кристаллами соли,  
Прочь ускользает, как тысяча змей,  
с долгим и злобным шипеньем.

### (II)

Черный башмак не ведает жалости ни к кому —  
Да и с чего бы? То – гроб для мертвой ноги,





## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.